

Киевское слово.

1898. 14 августа. №3805.

С. 1-2.

ЖУРНАЛЬНЫЕ НОВОСТИ

Новый рассказ. А. Чехов. "Человек из футляра". — Русские аграрии и земледельцы. — Исследования из области истории и географии. М. Герасимов. — Труды — см. вконец. Толстого отца, нов. писателя Криворожской соваты. — От одного из аристократических женских клубов.

В итальянской книжке "Русской Мысли", напечатанном юным рассказе "Человек из футляра", рисующий перед нами один из углов нашей захламленной жизни и ее деятелей. Герой этого рассказа, "человек из футляра", учитель греческого языка, ивний Бляков. Он был вынужден тѣмъ, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в чехлах и съ зонтиком, и непрестанно в теплое пальто на ватѣ. И зонтик у него былъ въ чехлахъ, и часы въ чехлахъ изъ сѣрой замши и, когда вынималъ перочинный ножъ, чтобы очистить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлахъ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Однимъ словомъ, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ-бы его. Дѣятельность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалился прошлым и тѣмъ, чего никогда не было; и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ-же каалоши и зонтики, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни.

О, какъ звученъ, какъ прекрасенъ греческій языкъ! — говорилъ онъ со сладкимъ выраженіемъ; и, какъ-бы въ доказательство своихъ словъ, прищуривъ глаза и поднимъ палецъ, произносилъ: — Автропосъ!

И мысль свою Бляковъ также старался запереть въ футляръ. Для чего были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрашалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрашалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрашалась поэзия любви, то это было для него ясно,

опредѣленно, запрещено — и basta. Изъ разрывовъ же и позвонковъ сарказма для него всегда являлись оминимизмъ, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрывали драматическій кружокъ, или читальню, или чайную, то онъ показывалъ головой и говорилъ тихо: — Оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ-бы чего не вышло.

Всякаго рода нарушения, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на мозевенъ, или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣла классную даму поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ, какъ-бы чего не вышло. А на педагогическихъ совѣтахъ онъ просто утѣшалъ своей осторожностью, мнительностью, своими чисто-футлярными соображеніями насчетъ того, что ночь де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ, — ахъ, какъ-бы не дошло до начальства, ахъ, какъ-бы чего не вышло, — и что если-бы изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго — Егорова, то было-бы очень хорошо. И что-же? Своими вздохами, вытѣснѣ, своими гемными очками на бѣдномъ маленькомъ лицѣ, онъ давилъ всѣхъ своихъ долаговъ, и они уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллы по поведенію, сажали ихъ подѣ арестъ и въ концы-концовъ исключали и Петрова и Егорова. Вообще, учителя боялись его. И даже директоръ боялся. "Вотъ подите-же, — читаемъ мы въ рассказѣ, — наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, однако-же ототъ человекъ, ходившій всегда въ каалошахъ и съ зонтикомъ, держа въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ-бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подѣ влияніемъ такихъ людей, какъ Бляковъ, за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Боятся громко говорить, мыслить писемъ, знако-

миться, читать книгъ, бояться помогать беднымъ, учить грамотѣ..."

Такъ-бы и прожилъ всю свою жизнь Бляковъ, если-бы въ затѣную атмосферу провинциальнаго болота не проникъ маленкій лучъ свѣта — новый учитель исторіи и географіи, ивній Коваленко. Михаилъ Савичъ, изъ холмовъ. Прѣхалъ онъ не одинъ, а съ сестрой Варенькой. Онъ молодой, высокій, смуглый, съ громадными руками... А она уже не молодая, лѣтъ тридцати, но тоже высокая, стройная, чернوبرовая, краснощекая, все поетъ малороссійскіе романсы и кохочетъ. Словомъ, люди тотъ и не герои, но и не уныніе еще очертить, подобно остальнымъ жителямъ нашего городка. Жить Варенькѣ у брата было, правда, не очень-то весело, только и знали, что по цѣлымъ днямъ спорили. Вотъ, наприкладъ, намъ сейчасъ идетъ Коваленко по улицѣ, высокій, здоровый всережа, въ вышитой сорочкѣ, чубъ изъ-подъ фуражки падаетъ на лобъ; въ одной рукѣ пачка книгъ, въ другой — толстая суковатая палка. За нимъ идетъ сестра, тоже съ книгами.

— Да ты-же, Михайликъ, этого не читалъ! — споритъ она громко. — Я же тебѣ говорю, князюсъ, ты не читалъ-же этого вовсе!

— А я тебѣ говорю, что читалъ! — кричитъ Коваленко, гремя палкой по тротуару.

— Ахъ-же, Боже-жъ мой, Минчикъ! Чего-же ты сердился, вѣдь у насъ-же разговоръ принципиальный.

— А я тебѣ говорю, что я читалъ! — кричитъ еще громче Коваленко...

При описаніи этой парочки, всѣ почему-то вспоминали, что Бляковъ не женатъ. "Всѣ — и товарищи, и дамы — стали увѣрять Блякова, что онъ долженъ жениться, что ему ничего больше не остается въ жизни, какъ жениться". И человекъ въ футлярѣ задумалъ... жениться. Оказалось, что и Варенька не прочь была замужъ. Бляковъ поставилъ у себя на столѣ портретъ Вареньки, часто бывалъ у Коваленковъ, хотя образа жизни не измѣнилъ нисколько. Даже насчетъ, рѣшеніе жениться подействовало на него какъ-то безразлично, онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и, казалось, еще глубже ушелъ въ свой футляръ.

Киевское слово.

1898. 14 августа. № 3805.

С. 1-2.

— Парвара Савишна мѣш нравится, — говоритъ онъ со злобой, прямой ушибочной, — и я знаю, жениться необходимо каждому человеку, но... все это, видите ли, произошло какъ-то вдругъ... Надо подумать.

— Что же тутъ думать? — говоритъ ему. — Женитесь, вотъ и все.

— Нѣтъ, женитьба — шагъ серьезный, надо сначала взвесить предстоящую обязанность, отвѣтственность... чтобы потомъ чего не вышло. Это меня такъ беспокоитъ, я теперь всеночи не сплю. И признаться, я боюсь: у нея съ братомъ какой-то странный образъ мыслей, разсуждаютъ они какъ-то, знаете-ли, странно, и характеръ очень бойкій. Женитесь, а потомъ чего добраго попадешь въ какую-нибудь историю.

И онъ не дѣлалъ предложенія, все откладывалъ, къ великой досадѣ провинциальныхъ дамъ. Въ концѣ концовъ, по всей вѣроятности, онъ сдѣлалъ-бы предложеніе, и совершаясь-бы одинъ изъ тѣхъ нецѣльныхъ, глухихъ браковъ, какихъ у насъ, отъ скуки и отъ нечего дѣлать совершаются тысячи, если-бы вдругъ не произошелъ „полосатый скандалъ“... Нужно сказать, что брать Вареньки, Коваленко, возненавидѣлъ Бѣликова съ перваго-же дня знакомства и терпѣть его не могъ. — Не понимаю, — говоритъ онъ учителямъ, пожимая плечами, — какъ вы перевариваете этого фискала, эту мерзкую рожу. Какъ вы можете тутъ жить! Атмосфера у васъ удушающая, поганая. Развѣ вы педагоги, учителя? Вы чиновники, у васъ не храмъ науки, а упрява благочинія, и кавалитной воинствѣ, какъ въ полицейской будкѣ. Нѣтъ, братцы, познису съ вами еще немного и уйду къ себѣ на хуторъ и буду тамъ раковъ ловить и кохлять учить. Уйду, а вы оставитесь тутъ со своимъ Іудей, не хай вѣтъ лопне. И когда однажды директорша наемкнула ему что хорошо-бы пристроить его сестру за такого солиднаго, всеми уважаемаго человека, какъ Бѣликовъ, то онъ нахмурился и проворчалъ: — Не мое это дѣло. Пускай она выходитъ хоть за гадику, а я не люблю въ чужія дѣла вмешиваться. — Теперь слушайте, что дальше. Въ одинъ прекрасный день Бѣликовъ встрѣтился на улицѣ катящего на велосипедѣ Коваленко, а за нимъ Вареньку,

тоже на велосипедѣ, красивую, заморскую, но все-таки, радостную... На другой день онъ былъ уже у Коваленко. — Я никакъ не-что сказать вамъ, — началъ онъ тихимъ, печальнымъ голосомъ. — Я давно служу, вы же только еще начинаете службу, и я считаю долгомъ, какъ старшій товарищъ предостеречь васъ... Вы — человекъ молодой, у васъ впередъ будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же такъ маневруете, охъ, какъ вы маневруете! Вы ходите въ вышитой сорочкѣ, постоянно на улицѣ съ какими-то книгами, а теперь потъ еще велосипедъ. О томъ, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипедѣ, узнаетъ директоръ, потомъ дойдетъ до попечителя... Что-же хорошаго?

— Что я и сестра катаетесь на велосипедѣ, никому нѣтъ до этого дѣла! — сказалъ Коваленко и поблагодарилъ. — А кто будетъ вмешиваться въ мои домашнія и семейныя дѣла, того я пошлю къ чертямъ собачьимъ.

Бѣликовъ поблѣднѣлъ и всталъ. — Если вы говорите со мной такимъ тономъ, то я не могу продолжать, — сказалъ онъ. — И прошу васъ никогда такъ не выражаться въ моемъ присутствіи о начальникахъ. Вы должны съ уваженіемъ относиться къ властямъ.

— А развѣ и говорилъ что дурное про власти? — спросилъ Коваленко, глядя на него со злобой. — Пожалуйте, оставьте меня въ покоѣ. И честный человекъ и съ такимъ господиномъ, какъ вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискаловъ.

Бѣликовъ нервно засуетился и сталъ одѣваться быстро, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. Въдъ это первый разъ въ жизни онъ слышалъ такіа грубости. — Можете говорить, что вамъ угодно, — сказалъ онъ, выходя изъ передней на площадку лѣтницы. Я долженъ только предупредить васъ: быть можетъ, васъ слышалъ кто-нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я долженъ буду доложить господину директору содержание нашего разговора... въ главныхъ чертахъ.

— Должить? Ступай, докладывай!

Коваленко схватилъ его за сзади за воротникъ и швырнулъ, и Бѣликовъ покатился внизъ по лѣстницѣ, греми своимъ

ми велосипедомъ. Какъ разъ въ это время вышла Варенька и съ ней двѣ дамы: онъ стоялъ внизу и глядѣлъ — и для Бѣликова это было ужаснѣе всего. Теперь узнать весь городъ, дойти до директора, поспѣтала — ахъ, какъ бы чего не вышло... Когда онъ поднялся, Варенька узнала его и, глядя на его смѣшное лицо, помятое пазыто, каломни, не удержалась и захохотала на весь домъ: — Ха, ха, ха! — И этимъ раскатистымъ, заливчатымъ „ха, ха, ха“, завершилось все: и сватовство, и земное существованіе Бѣликова. Уже онъ не слышалъ, что говорила Варенька, и ничего не видѣлъ. Вернувшись къ себѣ домой, онъ прежде всего убралъ со стола портретъ, а потомъ легъ и уже больше не вставалъ... Черезъ мѣсяцъ Бѣликовъ умеръ, и провинциальная жизнь потекла по-прежнему, такая-же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь, не запрещенная циркуляромъ, но и не разрешенная вполнѣ: не стало лучше. И въ самомъ дѣлѣ, Бѣликова похоронили, а сколько еще такихъ „человѣковъ въ футлярѣ“ осталось, сколько ихъ еще будетъ... Да ночь и не далеко ходить. Въ той-же книжкѣ „Русской Мысли“, въ разсказѣ М. Ремезова „Старый дворъ“, мы встречаемся съ подобными-же типами. Авторъ приводитъ разговоръ трехъ собесѣдниковъ въ вагонѣ перваго класса. Первый собесѣдникъ былъ старый знакомый автора: полковникъ Иванчикъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ тайный совѣтникъ Укромелій. Противъ нихъ помѣщались высочій, полный, мякотный блондинъ, лѣтъ тридцати. Молодой человекъ говорилъ громко, тономъ, недопускающимъ сомнѣній и возраженій, смѣялся наташно и самоуверенно. Это былъ помѣщикъ Сурамонъ, крупный землевладѣлецъ, говорившій больше дружить. — Я говорю и доказываю, — ораторствовалъ землевладѣлецъ, — что отмена вѣрностного права была величайшей ошибкой, скажу больше — преступленіемъ, за которое мы расплачиваемся и едва-ли скоро расплатимся... Наши панашники распантиментальничались, умственно пошали въ „кашисея дворянѣ“, воспылали вѣжностью къ ланту и сами пошали изъ сапогъ въ ланты, а насъ даже бить лантей оставили. Это было какое-то либеральное сбадѣніе!.. И вотъ, я го-

Киевское слово.

1898. 14 августа. № 3805.

С. 1-2.

полю, ни, послышавши „свободы для всех“, ощутили голодными джиганами, а очаровательный „мушкетер“ по-прежнему превратился в пьяную и развратную свистуню, которую ничуть нельзя и изжить кь человеческому образу, промѣ гвардейский и систематический портик!..

Тайный совѣтникъ и рѣшился, — его департаментскому превосходительству виднѣю прѣтвѣ дикости вѣдѣющаго во вѣсть провинціального сангаса. Полковникъ смѣлся, не стѣсняясь. — „Да кто же намъ вѣдалъ извѣдывать и переизвѣдывать?“ — отозвался онъ. Старикъ Украинскій тоже разжалъ губы: „Мы, — началъ онъ говорить иностранца, торжѣ извѣдываго русскій языкъ, — сдѣлали съ своей стороны все, что могли сдѣлать для поддержания дворянства, открыли намъ широкій кредитъ на весьма льготныя условія, и уже не наша вина, если помѣшники..

— Извините, ваше превосходительство, — прервалъ его землемѣдѣлецъ, — намъ не кредитъ нуженъ, намъ нужны права. У насъ отняли наше законное право владѣть крѣпостными людьми и придумали откупиться деньгами. Протѣвъ этого и ничего не имѣю, конечно, но, во-первыхъ, денегъ намъ дали мало, во-вторыхъ, мы съ одними деньгами ничего не могли сдѣлать и теперь не можемъ. Мужики разбираютъ у насъ деньги подѣ работы и, когда наступаетъ время ихъ обрабатывать, преспокойно уходятъ къ своему собѣду, къ кулаку, къ лабѣтнику, а и ходятъ, судятъ съ ними.. И что такое мнѣ присудить? Мною же данные три цѣлковыхъ на обработку десятины, тогда мѣтъ и въ одну убогую принуждѣнъ платить десяти-дѣсять рублей, чтобы не лишиться всего урожая.. Нѣтъ-съ, безъ правъ мы не можемъ жить. И я говорю, дайте намъ право.

— Крѣпостное? — разсѣянно поинтересовался.

— Нѣтъ-съ, не крѣпостное, — объяснилъ Суриковъ, — ни на что оно мнѣ не нужно. И говорю, дайте мнѣ право, настоящее, реальное и осуществимое право получить за свои деньги то, за что я ихъ заплачу. И давайъ мнѣ подѣ работу, мнѣ и обрабатывать. Не слышите, — въ волостномъ, порокъ и широкъ на работу, опять не помѣтъ, — въ волостномъ, в

губая порка и широкъ на работу.. Полю сдѣластъ, — въ волостномъ, да за кулакомъ портикъ!..

Тайный совѣтникъ крикнулъ даже, его свѣтлая губа выдвинула на рѣхъ, чуть не къ самому носу.

— Идемъ поговоримъ, — спокойно проговорилъ колхозникъ Панинцѣй. — У насъ мнѣтъ законенъ, но высшей оптикѣ, процентомъ вы не платили дѣтъ цѣтъ, всѣми льготами и безсрочками вы воспользовались, доходы получаете и платите въ банкъ, понаблюдаю, не расположились.. Ваша идея осуществлена прѣтъ, гетманскихъ изъ договоровъ, мнѣ чрезвычайно нравятся.

Суриковъ дрогнулъ подѣ упорно смѣющимся взглядомъ полковника, окунулся поблѣвшими глазами его широкую фигуру, его увѣсѣтый, волосатый кулакъ и лѣтвѣно поднялся съ мѣста.

Вотъ у насъ какіе „печенѣги“ еще водятся!.. Но прочъ отъ нихъ, въ какую-либо другую среду, хотя бы даже отъ среды со толпа мѣтъ тѣхъ сборанныхъ босиковъ, какіе въ такомъ обильномъ количествѣ фигурируютъ въ разсказахъ М. Горькаго, вышедшихъ теперь, сдѣланныхъ изданіемъ. Объятомъ изданіемъ помещена статья въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Богатства“. Читатель нашъ, вѣроятно, помнитъ, какъ въ одномъ изъ разсказовъ Г. Успенскаго подпавшій мѣщанинъ такъ объясняетъ свое пониманіе вози и независимости: „А вотъ теперь.. ха-ачу самому сапогъ, ха-ачу надѣву. И никто мнѣ не прѣтъговѣтъ не можетъ. Ха-ачу снѣму, ха-ачу надѣву“.. Произошло оти смѣхотворныя слова, мѣщанинъ наачетъ, хотя иныиши, но искренними словами, потому что за „сапогомъ“ скрывается много не высказаннаго горя, много нынѣшнихъ мукъ. Мѣщанина въ „гнули“ съ самаго дѣтства, каждый въ ту сторону, въ какую хотѣлъ, даже „маленька“ и мизантропы полученныхъ мѣтъ затрещивъ мѣтъ единственной цѣлью стѣреть въ немъ всякое представленіе о своей личности и заставить его сдѣтъ, ходить и даже любить не иначе, какъ по прихотямъ окружающихъ. Вырвался человекъ на минутную свободу, заговорилъ въ нештъ, хотя-бы смутно и неясно, какое-то робкое представленіе о своемъ „я“, и принялся онъ за свое сѣтъ-

заставное дѣло, возмнилъ его самозванъ. А ни въ чемъ другимъ своей свободѣ цѣновѣтъ сѣтъ не могъ и не умѣлъ, и никакого другого подѣтъ, промѣ снѣмаи и сдѣлаи сапога, онъ въ данную минуту — да, вѣроятно, и во всю свою жизнь — совершилъ бытъ не въ сѣмѣтъ. „Вотъ и думаю я: возмну и пропѣтъ.. все“, — говорить другой герой Успенскаго. Формула и тутъ дурнѣе, безсмысленна, но подѣтъ сѣтъ та же, какъ и въ процѣтъ обуви и развѣтъ. Надоело человѣку жить такъ, какъ онъ жилъ раньше. „Очертъѣтъ“ ему оти постоишныя заботы и думы о благополучіи и хозяйствѣ, о маломъ томъ довольствѣ, не въ силахъ больше душа останавѣтъся въ чертѣ сѣтъдѣтъ, указанной ей бытъемъ, и рвется она куда-то, рвется порывисто, безтолково, руководимая самымъ смутнымъ представленіемъ о другой жизни, рвется, какъ арестантъ изъ душевной тюрьмы на волю. А гдѣ-же воля? Все равно, какъ наши первые переселенцы искали десяти тысячъ верстъ, отыскивая кто истоковъ Енисея, кто города, построенаго „цѣлѣмъ“ благополучнымъ старцемъ Паномъ“, кто „азиатской Европы“, такъ бродятъ по землѣ русской оти темныя забитыя души въ поискахъ чего-то.. У Успенскаго нѣтъ ни одного цѣлѣнаго типа бродяги, весь душевный мѣтъ которого опредѣлялся-бы исключительно стихійными порывомъ къ правильной жизни, но за то онъ превосходно опредѣлялъ всѣ условія, которыя могутъ выработать такой типъ. Въ сущности, всѣ оти условія сводятся къ одному основному: жизнь ежесекундно гнетъ человека въ бараній рогъ. И большинство, конечно, гнется; но вотъ находится одинъ какой-нибудь на тысячу, особенно упругій, и неожиданно распрямится и высочитъ изъ этой кучи. Успенскій въ такихъ случаяхъ намъ возвращаетъ его въ первѣбѣтное состояніе, мѣтъ расстается съ нимъ совершенно. Это явленіе въ его глазахъ недостаточно характерно, чтобы стоило мнѣтъ особенно и пристально заниматься. Но оно въ высшей степени важно и характерно въ глазахъ г. Горькаго, который посвящаетъ ему всѣ свои силы, все свое поэтическое оруженіе, весь свой талантъ. Сѣтъдѣтъ люди или совершенно не интересуютъ его,

Киевское слово.

1898. 14 августа. № 3805.

С. 1-2.

как он иль сонничаю не знает. Бредит и бредитесь, так сказать, помысли для него всю русскую жизнь, и он настойчиво возвращается в свои босмы герониз, пораженный то глупой, то страшною изъяснимо-гиз. Каждому своему герою иль босмиз г. Горький дает полную возможность прожить себя с самой лучшей стороны. В рассказе „В тени“ один из бредит пугается в такую, кивир, помысли: „Люблю и друг, — говорит он, — эту бредящую жизнь. Оно в холодно и голодно, — но свободно ушь очень. Ишь надъ тобой никакого начальства... самъ ты своей жизни хозяин... хоть голову себе откуси — никто тебе слова не может сказать. Хорошо!.. Наголодаюсь я на эти дим, наизнаю... а вотъ теперь лезу, смотрю въ небо... Звизды мигаютъ миз, ровни говорятъ: — ничего, Лакунинъ, ходи знай по землѣ и нико-му не поддавайся... Ну — да. И хорошо на сердцѣ...“ И вѣдь-бы ни хорошо жилось босику на одномъ мѣстѣ, его равно или псздио „привѣтъ“, — онъ броситъ и теплый уголь, и вѣрный кусокъ хлѣба, и любимую женщину и пустится въ свое бесплодное шатанье — оборванный, грязный, полуголодный. Все постоянно, устойчивое вызываетъ въ немъ печаль, прервѣние и пресердечную тоску, которую онъ то заливаютъ водкой, то старается развѣять по вольному вѣтру степей. Очевидно, что это не только бредящее нощъ, а и мыслей, чувствъ, настроеній, это неформальный, безсодержательный порывъ въ свободу. И все босики бросаютъ насмѣнное мѣсто и едва зародившія привязанности не по какому-нибудь достаточному основанію, а просто такъ. „Какого чорта“ они сидятъ на мѣстѣ, они и сами не знаютъ; „какого чорта“ снимаются съ него непонятно для нихъ самихъ... Авторъ статьи въ „Русскомъ Богатствѣ“ позагасть, что съ точки зрѣнія самого г. Горькаго современное наше бредящество явленіе стихійное. Изъ нашего непосредственнаго знакомства съ его рассказами мы вывели иное мнѣніе, а именно, что съ точки зрѣнія иль автора современное бредячество явилось вѣстѣ съ крутымъ переломомъ нашей народнои жизни, — экономическимъ по преимуществу, а его герои и типы —

первое производственное пробужденіе — иль массовыя чувства личности и собственнаго достоинства.

Въ современной жизни встрѣчается еще бредячество: нравственно, состоящее въ постоянныхъ бужденіяхъ совѣсти, истеричный бредъ въ своихъ стремленіяхъ къ идеалу. Такъ, напримеръ, приповѣдь значаго самоуверенства, вѣдомствѣ, въ концѣ концовъ, дошла, какъ извѣстно, до полнаго отрицанія брака, созданъ и свою теорію концина міра — естественной смертью человечества за превращеніемъ половой жизни. Проповѣдь эта нашла своихъ последователей — немногихъ, но фанатичныхъ, — однако, вѣстѣ съ тѣмъ, появились и противники выводовъ новаго ученія, и насколько въ обществѣ живо сознаніе необходимости бороться съ нимъ, видно изъ того оживленія въ печати, какимъ былъ встрѣченъ рассказъ „Прелюдія Шопена“, появившіяся недавно въ „Новомъ Времени“. Рассказъ этотъ, антитеза „Крейцеровой сонаты“, и еще характернѣе тотъ фактъ, что авторомъ его является г. Л. Л. Толстой, сынъ Л. Н. Толстого. „Вызо бы несправедливо, — читаемъ мы въ послѣдней книгѣ „Недѣли“, — объяснять успѣхъ рассказа только заманчивымъ соблазномъ для публики быть свидѣтельницей „возстанія“ сына противъ великаго отца; иль, рассказъ Толстого-сына дѣйствительно является наиболее горячимъ и живымъ возраженіемъ „Крейцеровой сонатѣ“. Разногласіе Толстого-сына съ Толстымъ — отцомъ начинается уже съ ихъ отношеній къ музыкѣ. Въ „Крейцеровой сонатѣ“ музыка является чув-ли не источникомъ преступленія, на нее ложится обвиненіе въ раздраженіи полового чувства; въ „Прелюдіи Шопена“ герой рассказа прибѣгаетъ къ музыкѣ, чтобы успокоиться. Дѣйствующія лица разказа — студенты. Одинъ изъ нихъ, Крюковъ, юноша еще чистый, незнакомый съ половой жизнью, влюбляется и страдаетъ, съ одной стороны не считая возможнымъ жениться, а съ другой терпя силы въ борьбѣ съ половымъ чувствомъ. Все эти вопросы поришны другимъ студентомъ, Комковымъ: онъ женатъ, хотя еще всего на третьемъ курсѣ, и своей женитьбѣ объясняетъ свою уравновѣженность и удовлетвори-

мость. Крюковъ настаиваетъ, что Комковъ несчастливъ, благодаря удачному выбору жены, но Комковъ энергично возражаетъ противъ этого. „Но въ тѣхъ, какая будетъ твоя жена, — это вопросъ счастья, одному лучше и легче, другому хуже, а дѣло въ насъ и въ разрывѣніи полового вопроса надлежащимъ образомъ, т. е. бракомъ. Только тогда можно успокоиться человѣкъ, и жить и чувствовать, что онъ сталъ на свое настоящее мѣсто и познать началъ жить и быть полезнымъ. По моему, несчастный человекъ или какъ голодный собака мечтаетъ, суетится, кидается во все стороны и только шутитъ, ничего путнаго не дѣлая на свѣтѣ, или это развратная обезьяна, утратившая все человѣческое. Тутъ середины не можетъ быть. Ты круто выражешься, — засмѣялся Крюковъ. Это истинная правда, горячо подхватилъ Комковъ, — отчего мы знаемъ, что, когда мы голодимъ, надо вѣсть, а не знаемъ, что, когда время пришло, надо жениться?.. Крюковъ пытался сдѣлать Комкову какъ-либо возраженія, но у того оказывается все предусмотрѣннымъ и разрывшымъ. Брактъ, по его мнѣнію, не можетъ помѣшать ученью, а только способствуетъ развитію и ума и памяти; если же кому окажется невозможнымъ при женитьбѣ оставаться въ университетѣ, то лучше идти въ конторки, писаря, даже юрисконсульты... „Крейцера соната“ (въ рассказѣ повѣсть не издается по заглавію), по мнѣнію Комкова, привнесла больше вреда, чѣмъ пользы: 1) тѣмъ, что люди не женились и не женятся во-время, прочтя эту повѣсть, а хотѣли быть чистыми, совершенными, а сами, сплосъ да рядомъ, втихомолку развратничаютъ и разжигаются мысленно, въ сто разъ хуже самыхъ откровенныхъ развратниковъ; 2) тѣмъ, что они доводятъ себя до болѣзней, до сумасшедшаго дома, до кладбища, если на самомъ дѣлѣ хотѣли побѣдить въ себѣ плотскую жизнь и ни потребности; 3) тѣмъ, что они бесплодно убиваютъ въ себѣ силы, молодость, жизнь, все лучшее, что послано имъ отъ Бога, ради неважной идеи! Что-же другое можетъ выйти изъ этой проповѣди? Какъ иначе относиться къ ней?.. Нельзя-же слѣдовать явной несправдѣ“. Наконецъ, по мнѣнію Комкова, еще а

Киевское слово.

1898. 14 августа. № 3805.

С. 1-2.

мыслили существовать бы жилища, а не думать этого потому, что до сих пор секрет жизни великим секретом и таинством (7). Из результатов Комкова приходится к такому положению: «Цель нашей жизни — это разумное служение не смерти, а жизни. Служение безопытному совершенствованию жизни и счастья людей на земле. Совершенствоваться можно только двигаясь, а двигаться — только следуя неизменным законам этого движения, данными нам природой. Мы достигнем и братства и равенства людей на земле, а законы природы будут неизменно оставаться все теми же».

Такое существенное содержание «Предвидя Шопена», хотя направленное против «Крейцеровой Сопраны», но пропущенное теми же беспочвенным морализмом, который плодотворно творить всякого рода нравственные рецепты и предписания, совершенно не считаясь с социальными условиями жизни, с переживаемой стадией общественной эволюции, вообще, с действительностью. Толстой — отец говорит: долой брак, хотя бы и все человечество исчезло с лица земли; Толстой сын возражает: брак и брак но что бы то ни стало, брак еще на школьной скамье, хотя бы от этого грозная семья пухла и гнила... Общественного значения итд и другие рецепты имать, конечно, не могут; они могут лишь вызвать особого рода «споры» того или иного направления. Жизнь управляется не моральными законами, и платоническим резонерством ее не покорить. Куда текут волны современной жизни, можно узнать лишь из кропотливого изучения действительности и на основании данных, в таком обилии даваемых всякому желающему современной прессой. Вот, напр., зоркий и компетентный наблюдатель американской жизни, П. А. Тверской, сообщает в «Вестник Европы» характеристику условия женской жизни в Америке. Там, видите с широким стремлением к труду, усиливается отрицание к браку. Из гостиниц, принадлежащих г. Тверскому, служат барышню-продавщицы, и вот что повсюду ему слышны из них на вопрос, почему она так отрицательно относится к замужеству: «Из десяти одно, может

быть, выйдет счастливым. Почти наши газеты — это полные семейные скандалы, разводы, убийства и злобствования из-за семейных недоразумений. Каким мы имеем осмелиться думать, что составили непротивительное исключение? Нет, и никогда не все и задумай, когда подумаю, что со мной приключится такое: жениться как замужство. И, видите ли, мужскую возможность потерю силы и в этом случае, возможность такого решения несчастной ветрлицы, что может получиться временное затмение разума — и тогда беда!» Автору эта затея показалась просто страшной. «Что сплетем с семей, с общиной, с государством, с человечеством, наконец? Все разлетится из праха, как красульный камень, семья, может быть?» «А с этим, отбывая ему барышня, уж вбейтесь вы, мужчины. Ведь вы же все это и устраивали. Ведь женщина всегда была только пассивной жертвой, только покорной исполнительницей наших же предписаний. Если жизнь ей стала до того невыносима, что она не только добровольно отказывается от священнейших своих прерогатив — любви и материнства, но и близнецом дрожит при одной мысли — не вбейте сами на себя. Не она установила эти жизненные условия, и если их результаты вам не нравятся — измените условия соответствующим. Мы же, при изощренном устройстве общества и семьи, не можем этого сделать и протестуем, — конечно, опять таки только пассивно, тем, что не хотим выходить замуж и покорно стремимся к независимости!» Заключает этой дилеммы о том, что не протест может быть только пассивным и что только мужчины должны изменить условия жизни, не отбывая факта заграничной действительности, на границе — все равно, в Европу или в Америку — женщины работают все с мужчинами и на одной и той же правительственной почве. Но дело не в этом. Интересно лишь то, что действительная жизнь не имать ничего общего с моральными рецептами графа Толстого, и что он имеет эти рецепты не выдуманные.

Е. С.

омогать

жизни. Личности. Учителя. Маленько. Пророй. Намут. А она. Но тоже. Красно. Роман. Хоть и. Де очер. Ителямъ. У бра. Весело. Днямъ. Спана. Высокая. Зорочка. На лобъ. Въ дру. За нимъ

топе чи. Же тебъ. Же это.

стал! —

любой по

нички! —

насть же

стал! —

всѣ по.

зовъ не

дамы —

омъ дол.

больше

наться».

изъ... же.

нмька не

въ поста.

Варень.

тъ, хотя